Е. Парад

Постпозиция

18+

Е. Парад
Постпозиция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63445436
SelfPub; 2022

Аннотация

План – стараться не задумываться о происходящем. Я остался без работы, но у меня есть выпивка, есть компьютерные игры. Всегда можно спать, в конце концов. Зачем-то она снова появилась в моей жизни, почти замужняя. Что ж, как есть – так есть…

Е. Парад
Постпозиция

Глава 1

У него была замечательная жизнь. Раньше.

Он хорошо зарабатывал, во всяком случае, для своих лет. Не отказывал себе в удовольствиях, доступных современному человеку. Ходил в кино, любил боевики, читал модные романы, играл в приставку. Совершал поездки за границу – в пределах нормы приобщался к другим культурам, разрезал снежный покров на сноуборде. Посещал тренажерный зал. Он хотел всем этим заниматься, это был его разумный выбор. Попросту говоря – работать, жить и развлекаться.

Чего он не хотел, так это размышлять о содержательности жизни, отягощать голову разного рода вопросами, например: что он может? для чего он существует? что он оставит после себя? Не из отсутствия любопытства, а потому что у него была спутница. Какая полноценная жизнь без нее? И он полагал, счастье их семьи – это достаточная цель (хотя, вообще, он об этом не задумывался).

Но один нюанс он упустил из виду. А именно – их детство, подарившее такое количество ожиданий. Детство рядом с бравыми героями современности или давно ушедших времен, детство, проведенное во дворцах и замках, в загород-

ных домах и пентхаусах. Они были свидетелями и участниками невероятных приключений, великих событий и больших побед. Они видели, как любовь соединяет сердца, и ничто не оказывается в силах разрушить эту связь. Сотни, тысячи людей на своем примере демонстрировали, что достичь возможно всего, что все пути открыты.

Беззаботное, свободное детство под лозунгом «Ты можешь все!».

Толстый лучевой телевизор рассказывал им о жизни. Он был вестником легкости бытия, показывая счастье победы, достижения цели. Его голос перекрывал остальные, потому что горел жизнью.

Случаются с людьми переосмысления. Былые ожидания получают подпитку, начинают маячить призраками в сознании.

Так и случилось. Однажды, придя домой с работы, он увидел у нее в руках книгу. У книги этой было название отнюдь не отвлеченное, не сулящее ничего хорошего.

Письмо 1

Наиболее неудачная идея, из посетивших меня в последние дни, это писать о себе в третьем лице. Вторая в этом списке – попытка на одной ноге допрыгать до балкона, чтобы покурить. Сама понимаешь – далеко я не допрыгал, стало вдруг больно во всех местах. Буду воздерживаться и дальше,

уже почти неделю протерпел, глядишь, и брошу.

Писать о себе… Стараюсь, но не могу отнестись к этому серьезно.

Как же забавно все вышло, если честно. Я так ждал, когда же, наконец, кончится мой курс в этом центре мотивации, так ждал возвращения домой к привычному укладу. Подумать страшно – целых два месяца!

Я с трудом собирал вещи в дорогу домой, потому что был готов бесконтрольно вопить от счастья, оставляя за спиной это пресно-позитивное болото с улыбающимся друг другу планктоном. Хуже всего, что мне надо было притворяться своим.

– Да, да. Вы убедили меня.

– Да, да. Во всем есть красота.

– Да, да. Абсолютно не важно, что правило «Ты можешь все!» также включает в себя и вариант «просрать свою жизнь».

– Нет, нет, что вы, я отвернулся от негатива. Никогда не поздно начать все сначала, ведь у меня столько возможностей!

– Да, да. Я буду радоваться, я буду улыбаться!

Да, я все еще скептичен в отношении этой постановки ответов. Дело в том, что не обращать внимания или переводить его на что-то хорошее, конечно, неплохой способ, но проигнорированная проблема, разве решенная проблема? Кажется, надо разобраться в причинах и следствиях, в

постановке вопросов. Гуру-мотиваторы этого мотивационного центра об этом как-то и не упоминали.

Но причины и следствия это другой разговор.

В общем, забавно то, что я вернулся домой, к привычному укладу, только за тем, чтобы в тот же день оказаться в больнице с загипсованной половиной тела, вновь в отрыве от этого уклада.

Когда я пришел в себя, мне сообщили, что меня сбила машина, что у меня множество переломов, включая один открытый, что на самом деле все не так страшно, как это выглядит, что я даже легко отделался, могло быть хуже, учитывая скорость автомобиля. Никто не сказал мне, что я чудом выжил! Почему никто не сказал мне, что я чудом выжил? Я был бы счастливчиком, а так мне просто не повезло, так я просто неудачно перешел дорогу. Эх.

А потом пришла ты с братом. Жалели меня. Спасибо, скрасили мое одинокое пребывание. Спасибо, отправили меня в этот центр мотивации.

Еще ты мне посоветовала хороший способ развлечься. Написать о себе.

Вот я этим и занимаюсь, стараясь не обращать внимания на вонь в палате.

Да, вся палата провоняла благовониями, которые Миша тут отчаянно жег, пока его не выгнали.

Кстати, он меня развлек больше вашего, зайдя проведать. Он нынче буддист. Радикальный. Как это? А это когда он

буддист и никак в толк не возьмет, как же все остальные такие глупые и все еще не буддисты! Он до этого таки дошел, а был веселым парнем, что с ним стало?

«Ты можешь все!»

Уже вечер. Буду спать.

Буду писать тебе письма, Диана.

Письмо 2 (из дневника сновидений)

Я осознался на берегу озера. Песок, в котором утопали мои голые ступни, был синим, а должен быть светло-розовым.

Я стоял на стороне леса. Толстые деревья тихо поскрипывали у меня за спиной, трогали друг друга своими листвяными лапами, передавая сообщения, как всегда что-то замышляли.

Крепость возвышалась напротив, на противоположном берегу. Единственный способ, которым я мог туда попасть – это перебраться через озеро. Идти сквозь перелесок к площади перед воротами, или идти даже рядом с лесом, было бы чревато.

– Лодка, – сказал я.

На поверхность воды тихо вынырнула лодка из резного дерева с морским змеем на носу. Но, подойдя к ней, я обнаружил, что в центре ее зияет огромная пробоина. После этого лодка затонула.

«Что-то явно не так. Синий песок и то, что осознался я не на площади. В Плане что-то сбилось, – подумал я».

И тут по земле под моими ногами и по мне самому проплыла огромная тень. Я поднял голову и увидел в голубом небе огромных китов, один из которых проплывал мимо солнца.

Я мог бы все исправить, но мне стало интересно, что происходит.

Я нырнул в озеро, переплыл его и, пройдя по тропинке вдоль стены из белого камня, оказался на площади.

Ворота были подняты. Я вошел внутрь и пошел вперед.

София в зеленом платье стояла на балконе особняка. Ее лицо было поднято к небу, к китам. Она по своему обыкновению водила руками по воздуху.

– Эй! – крикнул я, подойдя. – София!

Она посмотрела вниз.

– Киты? – спросил я.

– Они сейчас популярны, – ответила она. – Смотрю, как это выглядит.

София открыла калитку в ограде балкона, сделала шаг в воздух и плавно спустилась на землю. Я подошел к ней.

– А что с песком на озере?

– Синий лучше контрастирует в закатном солнце. Привет.

– Привет.

– Давно тебя не было.

– Два месяца.

– Ага. Я уж думала, куда ты пропал.

Я жестом пригласил ее следовать за мной на крепостную стену – захотелось взглянуть на бескрайний лес.

– Я был в центре мотивации.

– Центр мотивации? Что такое центр мотивации?

– Такое место, куда запирают людей, которые потеряли интерес к жизни и всяческое желание что-либо делать. Новейшие личностные технологии!

– Интересно, – протянула София.

– Не очень.

Мы дошли до лестницы справа от башни ворот, стали подниматься.

– Ну и что же?

– Ничего.

– А как ты туда попал? – усмехаясь, спросила она.

– Диана с Владом уговорили.

София остановилась, замерев на полушаге между ступенек, посмотрела на меня.

– Чего? – спросил я.

Она помотала головой и продолжила подъем.

Мы вышли на стену, и я подошел к парапету, облокотился на него, София встала рядом. Перед нами был непредсказуемый и загадочный лес, по макушкам деревьев до самого горизонта с шорохом бегала рябь. Справа у стены было видно озеро.

Я внимательно смотрел на изученные знакомые места, на

Софию. Я понял – я соскучился.

– Два месяца, – глядя вдаль, заговорила она, – это долго.

– Специалисты – гуру-мотиваторы – решили, что у меня крайняя степень безразличия.

– И что ты теперь?

– Теперь я в больнице. Меня сбила машина в первый же день после возвращения.

– Выздоравливай.

– Спасибо.

– Так, что не появлялся?

– Не знаю. Может быть, ежедневные занятия по самомотивации и самоактуализации меня слишком выматывали, – я посмеялся.

– Какой ужас, – София скорчила рожицу.

– Ага.

Мы помолчали.

– Я здесь, – сказал я и оттолкнулся руками от парапета. – Чем займемся? Наведем порядок? А то киты, ворота, песок… Испытание? Или полетим к звездам?

– Давай.

София вскинула руки, и киты один за другим стали исчезать. Я сказал «лодка», и лодка всплыла, прореха в ее дне затянулась. София махнула рукой вниз, и решетка ворот с лязгом опустилась. Я сказал «песок», и берег вновь стал светло-розовым. София указала рукой в сторону озера, перекрасив песок обратно.

– Мне так больше нравится.

– Ладно, – сказал я.

Мы спустились во двор.

– Ну что?

София повела рукой, двери казарм распахнулись, и двор стал заполняться десятками наших двойников. Половина осталась внизу во дворе, построившись вдоль стены отрядами, половина поднялась на стену.

– Какое испытание?

– Прошлое.

– Почему нет, – согласился я.

София хлопнула в ладоши.

За стеной в лесу раздалось жужжание, и на нее стали залетать серые полупрозрачные султанчики и как бы скатываться по ней вниз на землю, некоторые из них просачивались сквозь решетку ворот. Их становилось все больше. Все вместе они гудели, как рой каких-то насекомых. Султанчики обнимали наших двойников, кружились вокруг них.

Несколько султанчиков обняли меня и Софию.

Я сначала зажмурился, потом расслабился и открыл глаза. Султанчики мешали двигаться, порывами пыльного ветра заставляли глаза слезиться.

Я старался не обращать внимания на это кручение вокруг, не поддаваться желанию закрыться от бесконечной пыли, лезущей в глаза. Один раз руки непроизвольно дернулись к лицу, но я не позволил.

У Софии дела шли хорошо, она уже управилась с одним из султанчиков. Она всегда справлялась с этим испытанием лучше меня.

Вскоре и один из моих султанчиков замедлил кружение и стал опадать, опускаясь к земле, пока не превратился в тонкий слой пыли у моих ног. Затем я разобрался и со вторым.

Мы оглядели двор. Наши двойники в своем большинстве справлялись хорошо, а из леса больше ничего не появлялось.

Мы пошли в обход в поисках двойников, которым нужна помощь. Я к своим, София к своим.

– Смотри на меня, – говорил я самому себе, борющемуся с желанием спрятаться. – Ты знаешь, что делать. У тебя все получится.

Двойник распрямлялся, и я шел к следующему.

Так продолжалось, пока не осыпались все султанчики.

София хлопнула в ладоши, и двойники отправились в казармы.

На земле и тут и там лежали кучки пыли.

– Неплохо, – сказала София.

– Мы справились.

София выглядела задумчивой.

– Пойдем в поле. Покажешь мне своих китов, – предложил я.

– Они мне уже надоели.

София пошла вперед, я за ней. Мы обогнули особняк и вышли в поле, зашли в траву. София повела вокруг себя ру-

ками, трава умялась, и София легла. Я последовал ее примеру.

– Хочу звезды, – сказала София.

– Звезды, – сказал я.

День сменился ночью, и теперь над нами горели миллионы белых огоньков. Мы были чуть освещены и угадывались силуэтами. София, вытянув руку, сделала волнообразное движение кистью, и издалека до нас донесся шелест волн.

В темном небе над нами стали появляться бесформенные белесые пятна, постепенно превращающиеся в образы. Стало возможно различить большое количество людей. Они все стояли и смотрели в одну сторону. В той стороне пятно начало превращаться в двоих, держащихся за руки. Толпа белесых людей размахивала руками, парочка в центре не двигалась. Потом оказалось, что все люди сидят за столами, а руками они не размахивают, они чокаются. Это была свадьба.

– Я боялась, ты больше не придешь.

– С чего вдруг?

– Тебя так долго не было, ты никогда не пропадал так надолго. Я вдруг усомнилась. А что, если я не права со всеми своими: все просто происходит и все, – она спародировала сама себя. – Так или иначе, Диана тебе дорога. А я говорю на-пле-вать.

– И это тебя беспокоит? – я повернул голову к ее темному силуэту, еле видному на фоне травы.

– Ты мог меня послушать, и мои слова могли испортить тебе жизнь. И я ведь говорю просто так, походя: неважно, мы не можем знать, как и на что влияем.

– Зачем такие громкие слова? Испортить жизнь! Что это вообще значит? – весело спросил я.

– Не знаю. Тебя долго не было, и я думала, что ты в итоге сделал с этой свадьбой.

– Ничего я не сделал. Аккуратно, никого не обижая, поделился с Дианой своими предположениями.

– И что она?

– Я бы не сказал, что была рада.

– Какие возможности перед тобой открылись, а каких, возможно, ты себя навсегда лишил? Я могу сколько угодно повторять, что причины и следствия переоценены. Но все так взаимосвязано.

Я вздохнул, нащупал в траве руку Софии, сжал ее.

– Что даже пытаться понять, что с чем связано бессмысленно, – сказал я.

– И присуждать важность, и возлагать ответственность.

– Ага.

– Ну и ладно, – сказала она нарочито беззаботно.

– Все просто происходит и все.

– Крайняя степень безразличия, – она усмехнулась.

Я улыбнулся.

– Я цитирую тебя. Тебя бы вот в центр мотивации!

Мы помолчали. Образы на небе уже сменились, белесые

картины двигались, обретая формы и распадаясь, не задерживаясь, дышали сами по себе. Вдали шумели перекаты прибоя.

– Спорить готова, – нарушила тишину София, – ты совершенно умозрительно согласился с этими гуру-мотиваторами, лишь бы уже выпустили.

– Именно так.

Она звонко рассмеялась.

Мы еще молча поиграли образами в небе, а потом я уснул.

Письмо 3

Я никому раньше не рассказывал о своих снах и о Софии, человеке, который появился в моей жизни уже через неделю после нашего расставания. Тебе расскажу, я приложу к своим записям страницы из дневника сновидений, не все, но наиболее важные для этой истории. Дневник в дневнике.

Да. Вероятно, написание личной истории невозможно без касания таких тем, которые обычно не обсуждаешь.

Теперь я задумываюсь: ты сказала, я должен писать о себе, что таким образом я, может, смогу увидеть и понять, ускользнувшую от меня причину – виновницу – моих неурядиц. Ну хорошо, хотя, как по мне, я как будто бы и без того все знаю.

Так что же я пишу? И кому? Получается – не письма. И не тебе, Диана. Это рассказ самому себе.

В таком случае довольно с настоящим. Прошлое – вот картина, на которой что-то видно.

Сейчас я смотрел, как лунный свет проникает в палату. Как окно растекается на полу белым пятном. По какой причине именно ночью воспоминания оживают куда охотнее, чем днем? То ли потому, что они поблекли, выглядят так, как будто сняты еще до изобретения цветной пленки и соответствуют такому же черно-белому миру. То ли наоборот – в ночи, когда все замирает, они возвращают краски жизни. В детстве вместо воспоминаний были мечты, а они всегда цветные и яркие, следовательно, предположу второй вариант.

Проще говоря – мне не уснуть.

Я включил лампу над кроватью. Взял тетрадь, взял ручку. Покусал колпачок, слушая шаги медсестры, прошедшей мимо моей двери.

И! Надо как-то обратиться.

Что ж, приветствую, дорогой Я!

Запись 1

Мы лежали голые, обнявшись, на огромной кровати в съемной квартире Дианы. Одеяло было сброшено. Мы остывали – минуту назад нам было жарко.

Я лежал и думал о челюсти. У Дианы немножко широкая

челюсть. Раньше я этого не замечал.

– Как так вышло? – услышал я.

– Определенно не по любви.

– Да?

– Конечно. Прошло много лет, и мне не нравится твоя челюсть.

– А что не так с моей челюстью?

– Она широкая.

– То есть четыре года, что мы были вместе, моя челюсть тебя устраивала, а теперь она широкая?

– Вот видишь, когда я тебя любил, я не замечал этого досадного недостатка.

– Ну ладно.

Она прижалась ко мне чуть сильнее.

– В следующий раз у меня, – сказал я.

Диана подняла голову, посмотрела на меня.

– А с чего ты взял, что следующий раз будет? – прищурившись, спросила она.

– А с чего ему не быть?

– Почему у тебя?

– Ты живешь здесь с будущим мужем. Мне как-то не шибко комфортно.

– Ладно. Разберемся.

Диана опустила голову.

– Верни одеяло, – попросила она.

Я поцеловал ее и предложил:

– Может, без одеяла?

Тем временем стрелки часов, на которые мы не смотрели, продолжали двигаться. Раздался телефонный звонок.

Мы не обратили на это никакого внимания, но звонок был настойчивый. И ему все-таки удалось докричаться. Диана мягко меня оттолкнула, вздохнув с досадой, и дотянулась взяла телефон со столика.

– Да. Готова? А что время? Ах да! Да, почти готова. Ты уже здесь что ли?

Она испуганно на меня посмотрела.

– Подходишь?

Диана закрутила в воздухе рукой, мол, одевайся, шухер!

Я свалился с кровати и принялся метаться по стулу рядом в поисках одежды. Не то чтобы меня пугала возможная перспектива неудачной встречи, но момент секретности возымел эффект и диктовал поведение.

Диана договорила, кинула телефон на подушку.

– Влад уже почти пришел! – она вскочила.

– Мы же договаривались на десять!

– Уже без десяти десять! – прокричала она, убегая в ванную.

Я быстро оделся. Оглядел комнату на предмет улик моего здесь пребывания. Быстрый осмотр ничего не показал. Только на том же столике оказался и мой телефон. Я сунул его в карман. Еще я обнаружил в комнате существование низенького книжного шкафа у кровати, видимо, со стороны буду-

щего мужа, заставленного книгами по социологии. Я поразмышлял над этим несколько секунд, почесывая нос, и вышел из спальни.

Я подошел к двери в ванную, там журчала вода.

– Так, что? Дай я умоюсь, и скажем, что я только пришел! – крикнул я.

– Нет! Уходи из квартиры!

– Серьезно? – проворчал я. – Ну ладно, закрывай дверь за мной!

Ответа не последовало. Я придвинулся к двери ближе.

– Слышишь, что говорю? Дверь закрывай!

– Слышу! Я ненавижу панику!

Распахнувшаяся дверь меня чуть не пришибла, и в коридор вылетела Диана, голая и мокрая.

– Давай, давай! Двигай!

– Гостеприимная ты вообще.

Подталкиваемый сзади, я выскочил на лестничную клетку. Дверь за мной щелкнула замком. И я как будто бы остался всеми брошенный в полной тишине.

– Ладно, – сказал я сам себе.

Я пошарил по карманам. Нашел пачку, нашел зажигалку. Закурил и пошел наверх на следующий этаж пережидать, пока придет Влад, чтобы можно было вернуться.

Весна уже набирала силу, с пятого этажа были видны лишь посеревшие кучки, оставшиеся от снежного покрова. Тем не менее, снег-то таял, но воздух еще холодил, поэтому

докурив, я не стал наслаждаться свежестью, а закрыл окно.

Я стоял и ждал в окружении синих снизу и белых сверху стен, в окружении бетонного запаха парадной, думая о том, что когда-то мы с Дианой уже прятались от Влада. Тогда это выглядело глупо и сейчас выглядит так же, но, пожалуй, более обосновано.

Раздались шарканья поднимающихся по лестнице ног. Затем я услышал приглушенный дверной звонок.

Дверь звонившему открыли не сразу. Еще дважды он жал на кнопку. Прошло минут пять, прежде чем его впустили.

– Что ты не открываешь? – услышал я голос Влада.

Решив не спускаться сразу следом, я потерпел еще пять минут и спустился только тогда.

Меня впустил Влад.

– Опаздываешь, – сразу же заявил он.

Показалась Диана.

– Привет! – крикнула она.

Я пожал Владу руку. Чмокнулся в щеку с Дианой.

Со вчерашнего дня все не виделись – здороваемся.

– Вообще, если по существу, – сказал я, – то в салоне нас ждут только к двенадцати. Зачем встречаться здесь, да еще и в десять, не понимаю.

– Чтобы не опаздывать. Я вот не понимаю, зачем идти такой толпой, – ответил Влад.

– Мы вчера же так решили, – сказала Диана, все еще прикрытая лишь полотенцем, заворачивая в спальню одеваться.

– Вчера мы напились вина. Короче. Тебе долго еще? Мы пошли на улицу. Спреем, да? – повернулся Влад ко мне.

Я кивнул.

– Только можно я посещу одно место сначала, – подвинул я его.

Я сходил в туалет. Потом хоть немного умылся и вспомнил, что поутру ведь не довелось даже выпить чаю!

– Эй, хозяйка! Времени у нас еще навалом, может, угостишь чаем?

– Так проходите на кухню! – крикнула она.

– Нормальные люди, – отхлебнув из чашки, решил с нами поделиться своим мнением Влад, – идут на примерку свадебного платья со своими подружками.

Днем раньше, точнее вечером, я не рассмотрел кухню. Просторная с бежевыми стенами, с подвесными полками вместо шкафчиков, она была увешана разного рода украшениями и фотографиями в рамках. Дианина работа. Наш дом, нашу кухню она тоже украшала.

– О, я бы с радостью променяла вас на своих подруг, но они в своем большинстве в другом городе. Так что, – Диана пожала плечами, разводя руки.

– Ладно – я. Это я еще могу понять. Но что он тут делает?

– Ты же знаешь, что я рядом и слышу, что ты говоришь?

– Знаю.

– Ну и славно.

– Диана. Ведь ты даже не знаешь этого человека! Ты видишь его третий день.

– Так, ну теперь я уже совсем теряюсь в этом абсурде.

– Как это третий день? – удивилась она. – Я тебя с кем-то спутала?

– Я к тому, что ты не видела его шесть лет!

– Вот опять он ворчит, – закатила Диана глаза.

– Я не ворчу, я…

– Ворчишь!

– Нет, я…

– Ворчун!

– Ворчу-у-ун, – загудели мы на него в унисон.

– Да ну вас!

Мы рассмеялись.

– Пора выходить, – посмотрев время на телефоне, сообщила Диана.

Мы с ней держались молодцом. Ни одного лишнего взгляда и никакой неловкости. Мы прямо созданы, чтобы делать глупости!

Втроем мы вышли на улицу, сели к Владу в паркетник. Я назад, Диана вперед.

Дорога не заняла много времени.

Как только мы вошли в светлый зал салона, белые с розовым оттенком стены которого были сплошь увешаны восхитительными фотографиями невест или фотографиями вос-

хитительных невест, и отовсюду на нас смотрели манекены, одетые в роскошные платья, к нам подпорхнула девушка-администратор.

Диана назвала имя и фамилию. Нас пригласили во второй зал с тем же антуражем и с большим зеркалом, висевшим на стене.

Оттуда Диану увели в примерочную, а нам с Владом предложили присесть на диван, что мы и сделали, оказавшись напротив своих отражений.

На кофейном столике перед нами веером лежали журналы. Я, дабы занять себя, потянулся к одному из них, но вдруг заметил в зеркале, что Влад внимательно на меня смотрит.

– Что-то хочешь сказать? – спросил я его.

– Скорее спросить.

– Влад, – начал я как можно увереннее, чтобы скорее закончить разговор, едва начав. – Прошло шесть лет. Диана обручена. Мы с ней друзья.

Он пережевывал какие-то слова, собирался высказаться, продолжая смотреть на меня в упор.

– Да, – предупредил я его реплику. – Ничего плохого не происходит. Так что не отягощай меня этим взглядом.

– Ладно, ладно. Чего я действительно… – мелко кивнул он. – Люди мы взрослые, разумные, в конце концов.

На этом наш краткий разговор закончился, чему я был рад и, не вглядываясь, принялся листать глянец. Влад последовал моему примеру.

Через некоторое время из примерочной донесся голос Дианы:

– Мальчики! Закройте глаза!

Мы отбросили журналы и повиновались.

Тихо скрипнула дверная ручка, послышалось шуршание, приближающееся к нам.

– Открывайте.

Я открыл глаза.

Диана стояла перед нами в простом белом, но элегантном платье. Не в таком, которое как абажур от огромного торшера, а в облегающем, подчеркивающим формы ее тела, с глубоким вырезом на спине, который был виден нам в зеркале, с аккуратным, не чрезмерным будто простыня, шлейфом.

– Ну как вам? – Диана покрутилась.

– Ты выглядишь восхитительно! – воскликнул я.

– Это точно! – поддержал Влад. – Жених будет в восторге!

Диана, осматривая себя, поворачиваясь вполоборота перед зеркалом, слегка покраснев, довольно улыбалась.

Запись 2

Мишин магазин, в котором я работал кем-то вроде бухгалтера, уже досчитывал дни своего существования и вот-вот должен был досчитать. Но до тех пор, пока этого не произошло, мне надо было там хотя бы иногда появляться.

Прямо из салона я туда и решил отправиться.

А еще, честно говоря, не хотелось домой. В свое болото, которое я очень любил и ценил и менять бы ни на что не хотел, мне в нем было тепло и хорошо. Но не хотелось. Три последних дня я как подышал другим, забытым воздухом. Три дня назад так вышло, что мы встретились с Дианой впервые за шесть лет. Три этих дня мы – я, Диана и Влад – проводили время вместе, как это было когда-то давно.

Мне надо было посмаковать послевкусие.

Я добрался из одного спального района в другой. Подошел к пятиэтажке, где на первом этаже располагался магазин, к двум большим окнам, занавешенным плотными шторами. Радужную вывеску, висевшую прежде над ними, мы сняли, чтобы не нагоняла тоску, а за самими окнами как бы и не было жизни. Прежде заметный магазин слился с серым зданием.

Я вошел внутрь.

Мрак, казалось, с каждым днем все больше поглощал это место, покрывал пустые стеллажи пылью. Исчезли с полок красовавшиеся там цветастые веселые детские игрушки. Теперь здесь царило увядание.

Далеко-далеко за остовами полок, в конце зала горел желтый огонек. Там кто-то был, и кто-то отреагировал на шум хлопка двери.

– Эй! Кто там? Миша?

– Нет. Не Миша!

– А кто?

Я подошел достаточно близко, чтобы лампа отделила меня от темноты.

– Я.

– О! Явление! Скажи, а когда магазин закроется, ты будешь приходить сюда каждый день?

Это была Аня.

– У меня и из дома отлично получалось работать.

Она вышла из-за стола мне навстречу.

– Ага.

– Я тоже рад тебя видеть!

– Ага.

Мы обнялись. Аня, старший продавец, не покидала тонущий корабль до последнего, в попытках хоть как-то продать остававшиеся крохи. Мы с ней были дружны, а Миша долго обращал на себя ее внимание, но помимо того, что она веселая и симпатичная, она еще и умная, так что Миша ей не сдался.

– Как дела? Что делаешь?

– Дел больше нету. Последние заказы с сайта только отправить. На этом – все.

– То есть совсем все?

– Да, совсем.

– Эх, – вздохнул я.

Аня посмотрела на меня исподлобья. Улыбнулась.

– Эх. Ага – эх! А ты надеялся?

– Не то чтобы, – я присел на край стола.

Теперь она смотрела на меня немножко сверху.

– Не бывает так, чтобы навсегда вот так, – веско сказала она.

– Это ты не мне говори, это ты Мише говори.

– Я говорила, еще давно. Мозоль на языке натерла. И вообще, у меня от него, от Миши, мигрень начинается. Ходит аки призрак, стенает, страдает.

– Я его понимаю.

– Так и я понимаю. Но! Ну его на фиг, – Аня взмахнула руками.

Я рассмеялся.

– Ладно, – сказал я и поднялся. – Пойду в душ.

Аня преградила мне дорогу. Я попробовал ее обойти – мне надо было попасть в дверь за ней, ведущую в подсобку. Не вышло. Я шаг влево, она наперерез, я вправо, она наперерез. И стоит довольная, мурлычет что-то озорное.

– Что надо? – строго спросил я.

– Скучно! Сижу тут одна целыми днями.

– Решила ко мне пристать, развлечься?

– Именно! С тобой же поговорить хоть можно.

– В душ схожу, и поболтаем.

Я взял ее за плечи и все-таки отодвинул.

– Ну иди, – Аня выкатила губку.

– Украдем у Миши оставшиеся деньги и откроем собственный магазин. Скучно не будет! – сказал я за спину, заходя в подсобку.

– Нечего тут уже красть!

Я полил на себя прохладной водичкой и отправился в свой тесный кабинет, к своему столу с компьютером, к своему шикарному креслу. Скромность скромностью – белые стены, подвесной клетчатый потолок, линолеум на полу, офисный непримечательный стол, но кресло я туда притащил именно что шикарное. Посчитал это важным элементом меблировки – чтобы было удобно сидеть.

Я думал, буду работать, но мысли мои улетели далеко от таблиц с цифрами. И вместо того, чтобы закрывать отчеты, я вспомнил школу.

Школу я терпел с трудом, она мне казалась никак не связанной с жизнью. С одной стороны, интересно. И география, и история, и математика. Очень интересно. Вот только что мне со всем этим делать потом? Что там, после школы? Я знал, что хочу кем-то быть. Точнее я хотел быть много кем. Учителя в старших классах все время говорили нам про институт, про какой-то выбор, чтобы не остаться ни с чем. Говорили, что надо задумываться. Но что они понимают в этой жизни? Мое поколение все осознало, как никто прежде: жизнь – это множество дорог, по каждой из которых ты можешь идти в любой момент, не просто идти, а сотрясать шагами твердь, ведь ты не обычный человек, ты рожден для свершений! Что есть размеренная ваша жизнь, когда на самом деле надо гореть! Гореть всегда, не думать, но делать,

не задумываться! И правда, я должен тратить ее, жизнь, на пять уроков в день?

В воображении восстал наш класс противного болотного цвета, гармонировавшего с желтыми партами, и тот момент, когда в десятом классе к нам пришли двое новеньких. Брат и сестра (не двойняшки, брат на год старше). Влад и Диана, с которыми я в первый же день курил за школой.

Мы сразу подружились.

Мы курили, мы пили, хулиганили, прогуливали школку. При этом мы жили мечтами и убежденностью, что мы-то не такие, как все, нас ждет в этой жизни что-то необычное. Наши интересы простирались далеко, но за пределами школы и учебы как таковой.

«Ты можешь все!»

Я развалился в кресле, закинув ноги на стол, отпнув пяткой клавиатуру.

Я вспомнил, как Диана стала для меня табу, потому что Влад стал моим другом. Я вспомнил, как на какой-то пьянке, уже в одиннадцатом классе, мы, хорошо захмелев, целовались в темном углу коридора чьей-то квартиры. Как потом мы скрывались от Влада, ибо не представляли себе его реакции. Я, улыбнувшись, вспомнил, как Влад пыхтел, слушая наше с Дианой объяснение. Мол, мы встречаемся, но ты, главное, с ума не сходи. Потом были обиды – бедного бросили, кинули, обманули. Потом он отошел, смирился и наконец признал, что у нас все отлично с Дианой складывается.

Мечты кончились на первом курсе института. Мы просто поняли, чего мы хотим. Жить, имея на что жить. Жить друг с другом. Я устроился продавцом бытовой техники, она администратором в салон красоты. Мы просто спокойно жили и радовались. Главное, не заглядывая в туманное будущее, не задаваясь вопросами: кем я должен стать? кем могу? что будет дальше? На всю эту ерунду, мол, все пути открыты, ты можешь все, ты необычный, тебя там что-то ждет, мы не обращали внимания.

Кажется, все, о чем можно мечтать в наше время, так это ни о чем не мечтать. Иначе можно сойти с ума, запутавшись в предоставляемых вариантах.

Я закурил, пустил колечко к потолку, прицелился сквозь него в лампу. Отпустил мысли.

– Ты что, куришь в кабинете?! – услышал я Анин крик из зала.

– Курю!

– Не кури в кабинете!

– А что же тут еще делать?!

Я встал, взял пепельницу в руки и вышел к ней.

Она сидела за столом, двигала по коврику мышку, сосредоточенно глядела в монитор.

Я снова присел на край стола. Аня ткнула меня в спину.

– Раздражать меня пришел? А ну потуши сигарету!

Я затянулся еще раз и сделал, как она сказала. Потом повернулся к ней, поставил пепельницу, уперся руками в стол.

– Нет, спрашивать тебя пришел. Что делать будем?

– В смысле? Работать. Я вот уже, пока на полставки.

– Так и я уже.

Я выпрямился, прошелся туда-сюда. Прислонился к стене у двери в подсобку.

– А что тогда спрашиваешь?

– Да так. Куда устроилась?

– В спортивный продавщицей.

Аня всегда знала, что надо делать, и делала. Я как-то спросил: «Как у тебя так получается, ты берешь и делаешь, не отвлекаешься и не паришься?» Она ответила: «Пару лет назад, после развода, мне в голову начали лезть мысли и сильно мешать. Оказалось, что хороший способ от них отвлечься – это что-то делать, быть занятой». Я подумал и сказал: «Это все из-за того, что у тебя маленькая грудь». Она покрутила пальцем у виска.

– Ну а ты?

– А я в колл-центр. На удаленку. Сижу дома, звоню потенциальным клиентам, рассказываю о достоинствах канцтоваров, которыми торгует фирма.

– Серьезно? – Аня приподняла бровь. – С твоим опытом мог бы куда-нибудь устроиться, типа как здесь.

– Каким опытом? И кем я тут работаю? Якобы бухгалтер. А по факту? По факту я дома сижу, какие-то непонятные циферки сравниваю, которые мне по почте Миша шлет. Никто. Никто без образования. Ладно бы никто с образовани-

ем. А так…

– Ой да ну! Брось ты чепуху молоть. Было бы желание.

– Вот! Ничего не хочу, понимаешь? Ни-че-го. Хочу дома сидеть. Играть, пить, ходить в кино. Пойдем в кино?

Аня опять приподняла бровь.

– А пить? Отпраздновать наше успешное освобождение из оков Мишиного индивидуального предпринимательства? Пойдем.

– Ты меня отвлекаешь, последний заказ отправляю. Скоро, по идее, Миша должен прийти.

– Да? Это хорошо. Давно не видел…

И точно как она сказала, хлопнула входная дверь, не дав мне докончить. Раздались шаги, и лампа высветила напротив нас Мишу. Побледневшего, осунувшегося, модная прическа стала похожа на неудачную стрижку. Он шмыгнул носом.

– … начальника.

– Привет, – каким-то эхом сказал Миша.

– Привет, – сказали мы ему.

Он покашлял.

– Это… – начал, но не продолжил Миша.

Вдруг он дернул плечами, как бы выпрямляя осанку, весь провибрировал с ног до макушки, как бы его током ударило, растянул лицо в подобие улыбки – в полутьме получился гротеск.

Мне стало страшно, я спросил:

– Да?

– В жизни бывают сложные моменты, но благодаря им, мы получаем бесценные уроки. Если у нас что-то не получилось сейчас, то это вовсе не означает, что не получится в следующий раз.

Он помолчал, жуя губу.

– Мы часть этого мира, мы нужны ему. Не будем об этом забывать!

Мы с Аней переглянулись. Миша тем временем ссутулился и сдулся.

– Хорошо, – неуверенно сказала Аня. И добавила, – Миша.

– Ты чего сидишь, Аня? Иди домой, бросай эти крохи на сегодня.

– Так все. Больше ничего не осталось, я все продала.

– Да? Э… Здорово… Молодец, – он кивнул головой, задумчиво взглянув куда-то вверх.

Миша положил на пол сумку, рядом бросил куртку.

– Я в душ, – сказал он и прошаркал мимо нас в подсобку, расстегивая на ходу рубашку.

– Я бы предположил, что он сошел с ума,– сказал я, когда за Мишей закрылась дверь. – Но чтобы с него сойти, надо его иметь.

– Тренинги, семинары. Посещает тренинги и семинары, – объяснила Аня. – В сети, наверное, видел: «Как начать с нуля», «Зарази сотрудника энтузиазмом», «Саморазвитие в бизнесе». В таком духе.

– Так. Ясно.

– Он не первый раз тут пургу двигает, но я думала, при тебе не станет.

– То есть, отродясь ничему не учившись, он таки решил чему-нибудь научиться.

– Лучше поздно, чем никогда.

– Спорно. Похоже на душевное неравновесие. Может, все же сходишь с ним на свидание?

– Еще пошути, пожалуйста, посмешнее только, если не трудно.

Компьютер перестал шуметь, экран погас.

– Домой?

– Да, домой.

– Оставайся. Посидим втроем. Поговорим.

– Не, мне здесь больше делать нечего, на днях зайду за документами и расчетом. Так что, глядишь, увидимся еще.

Аня встала, сняла со спинки стула куртку. Подошла ко мне.

– Приятно было работать вместе.

Мы обнялись. Стало вдруг не по себе.

– Ты это, не пропадай, – сказал я вслед исчезающей в темноте Ане.

– Не пропаду!

Она вышла, и входная дверь хлопнула за ней.

Миша с мокрой головой, по пояс голый, в джинсах и та-

почках вошел в мой кабинет.

– У меня в сумке бутылка.

– Выпьем!

Миша притащил еще один стул, и мы уселись за столом в зале. В желтом свете лампы неспешно плавала пыль. На улице шел несильный дождь. Слышно было, как косыми струями он гладит окна магазина.

С уверенным ударом по столешнице Миша обозначил бутылку коньяка. Тут же из сумки достал лимон.

– Выпьем?

– Забыл стаканы, сейчас принесу.

– Захвати нож.

Я сбегал к себе за стаканами, за ножом, за тарелочкой. Миша, скрипнув пробкой, откупорил коньяк и с тихим бульканьем разлил. Я тем временем нарезал лимон.

– Вот и все, – подняв стакан, провозгласил Миша.

– Все, – подтвердил я.

Выпили не чокаясь.

– Обидно, – морщась, глухо сказал он.

– Обидно?

– Ага.

– Не стоит!

– Отчего же?

– Миша, ты совершенно безмозглый человек, но при этом ты умудрился создать и развить магазин, который успешно существовал и неплохо кормил, в том числе и меня. Какое

же невероятное везение тебе сопутствовало!

– Поддержал. От души.

– А я не прав? Кризис можно было пережить, ты же, при своей безмозглости, даже толком и не понял, что происходит и почему дела хиреют. Думал, видать, все – один раз поработал, а дальше оно само как-нибудь.

Миша не донес до рта стакан, остановился.

– Простой какой.

Он выпил. Я тоже выпил. Миша снова забулькал коньяком, разливая.

– Что делать будешь? – жуя лимон, спросил я.

– Не представляю. К родителям пока переберусь, а то почти на мели остаюсь, за хату платить нечем. Как-то я привык, что все есть. Как теперь буду?

– Работать неужто пойдешь?

– Да вот и к роли начальника я тоже привык.

Я посмеялся над начальником.

– Трудная ситуация у тебя получается.

– А сам-то?

– А что сам? Живу я умеренно, за квартиру на полгода уплачено, ты мне вот еще денег подкинешь, да и на удаленную работу я устроился. Не ахти, но на поесть, на попить хватит, из дома выходить лишний раз не придется. Нормально.

Миша покивал, соображая какую-то мысль.

– Ясно. Что еще хорошего?

– С Дианой тут тусили пару дней, – сказал я, отправляя очередную порцию коньяка в глотку.

Миша был занят той же операцией и поперхнулся. Я постучал его по спине.

– Интересно, – наконец откашлявшись, выдавил он. – Сколько лет ты ее не видел?

– Много.

– И как?

– Отлично! Что-то внутри, какая-то энергия что ли, так вот… – я не мог найти слово. – Некое спокойствие такое, знаешь.

Миша не знал. Я и сам не знал, что тогда происходило в глубинах моей головы. Что чувствовал бы человек, заглядывая в глаза самому себе из прошлого? По сути, именно это я и сделал. Когда-то в моем собственном понимании себя я был неотделим от Дианы, без нее не было меня, мне мы представлялись как единое целое. Я посмотрел в глаза части самого себя. Надо бы испытывать легкую, светлую, вероятно, грусть, как когда фотографии старые разглядываешь, со слабой ноткой сожаления. А никак не безразличие, поверху немножко припорошенное ностальгией, которое испытывал я. И в целом я рад был провести с ней ночь, что таить. Мише я об этом не сказал, но для себя сделал вывод, что именно этим событием и порождено мое эйфорийное спокойствие.

Эта история не о любви. Уж точно не о любви.

Пока я размышлял, время вокруг не останавливалось, ко-

ньяк в бутылке уменьшался, дождь на улице перестал. А Миша внимательно на меня смотрел.

– А?

– Я тут с тобой разговариваю.

– Да? Прости, я не слышал.

– Говорю, в гости зайдешь? Родители будут рады тебя видеть! – членораздельно начал доносить Миша.

– Зайду. Чего бы не зайти.

– День рождения у сестры. Вот на него приходи! Прием! Усваиваешь на этот раз?

– У Лизы? Сколько ей исполняется?

– Семнадцать исполняется.

– Какой прекрасный возраст! Приду обязательно. Только напомни потом.

Я хотел похлопать себя по часам, но часов у меня не оказалось, поэтому я похлопал по Мишиным.

– Ладно. Давай по последней и домой. Спать хочу.

Миша наполнил стаканы.

– А почему в темноте сидим?

– Аня свет не включала, я тоже. Экономия?

Миша взбрыкнул верхней частью тела, встал, щелкнул выключателем на стене у двери в подсобку.

Стало светло. Мы огляделись.

– Да, – сказал он. – Со светом слишком пусто.

Он перещелкнул выключатель обратно.

Запись 3 (из дневника сновидений)

Я стоял на тропинке в ночном лесу. Пальцы почему-то босых ног неприятно обволакивала мокрая почва. Как будто недавно прошел дождь.

С характерным чавканьем я сделал несколько шагов. Остановился. И передо мной, и позади дальше чем метра на два было ничего не разглядеть. В синем и зеленом мерцании каких-то невиданных цветов, редко растущих по краю тропы, была видна только сама тропа и толстые стволы деревьев на обочине. Через плотное переплетение веток над головой иногда можно было увидеть небо, усыпанное звездами.

Я пошел вперед. Вглядываясь в темноту, я не заметил, что тропинка плавно заворачивает, и ступил за ее край. В тот же момент все цветы рядом со мной закрылись, и стало совершенно темно. Я сделал шаг назад. Цветы раскрылись снова. Дальше я шел аккуратнее, не выходя с тропинки.

Сколько я шел, не знаю. Кажется – долго. Но наконец у моего пути появилась цель. Среди стволов деревьев мне показался свет. Пройдя еще немного, я уже уверенно мог сказать, что это светится окошко дома. Но тут я столкнулся с трудностью – тропинка резко поворачивала в другую сторону от далекого окошка, оставляя его слева от меня. Я пошел дальше, ожидая, что, может быть, тропа повернет обратно, как мне надо. Но этого не происходило. Я вернулся.

Мне показалось, что я устал, и что у меня замерзли ноги.

Единственное решение, пришедшее мне в голову – идти через лес напрямик. Вздохнув, собравшись с силами, я ступил за край тропинки. Цветы моментально закрылись, стало совершенно темно.

Моим ориентиром было окошко, и я двинулся к нему. Под ногами хрустели веточки, покалывая ступни, сырая трава доставала до колен. Я шел, разведя в стороны руки, нащупывая стволы деревьев, старался повыше поднимать ноги, после того, как пару раз стукнулся о выступавшие корни.

Передвигался я медленно, но окошко становилось ближе. Через некоторое время я уже видел избушку. Она была маленькая. С одним только окном в стене. Вдоль этой стены, видимо, как и вокруг всего дома, росли все те же цветы, освещая пространство. Справа я разглядел крыльцо. На крыше, покрытой дранкой, торчала труба, из нее шла струйка дыма, различавшаяся на чистом звездном небе – дом стоял на поляне среди леса, ни одна ветка не протягивалась к его крыше.

Я вышел на поляну, посмотрел по сторонам – никого не было. Подойдя к избе, я заглянул в окно. Оно оказалось пыльным, и я различал только мутные образы. Тогда я пошел на крыльцо. Под козырьком висела масляная лампа, дававшая более яркий свет, чем цветы на земле, она рисовала небольшой полукруг перед дверью, к которой вели две низенькие ступеньки, утопавшие в земле.

Ступеньки скрипнули под ногами, когда я поднялся, чтобы постучать.

Никто не отвечал. Я подождал и постучал еще раз. Никто снова не ответил, и я потянул дверь за ручку на себя.

Внутри была одна комната. Сразу справа от входа стоял покосившийся шкаф, дальше пустая стена отделяла его от низкой печи. В противоположной входу стене было второе окно. Слева от меня в дальнем углу у окна, в которое я заглядывал с улицы, стоял пустой стол с лавками, в ближнем углу стена вся была увешана полочками. В полном, казалось, беспорядке на полочках стояли и лежали баночки, пучки травы, на нитках висели коричневые сушеные грибы. На печи стоял большой котел, подойдя ближе, я увидел, что в нем побулькивает какое-то фиолетовое варево.

Две лампы, подвешенные на длинных цепях, между шкафом и печью и над столом, освещали это убранство.

Пахло сырым деревом и сухим сеном.

Мне понравилось это место, примерно так я, должно быть, представлял жилища ведьм из сказок в детстве.

Не зная, куда себя деть, я присел на краешек лавки и стал смотреть на подрагивающие тени от лампы у шкафа.

Вдруг дверь распахнулась, и в избу вошла девушка со светлыми длинными волосами, в пышном зеленом платье. Я подскочил и отошел от лавки, она же, сделав несколько шагов, оказалась у котла.

Черные ее глаза как-то не сочетались с милым, без острых черт, чуть-чуть курносым лицом. Казалось, что это лицо привыкло улыбаться, а глаза говорили об обратном, они

были слишком черные, слишком отрешенные.

На меня она смотрела несколько мгновений, потом равнодушно отвернулась, взяла с печи большую поварешку и принялась медленно помешивать варево.

Я так и остался стоять, смотреть на ее спину и плавно двигающиеся плечи, ничего не поняв.

– Знаешь, сегодня у меня какое-то странное настроение. Ностальгическое. И что ж тебе тогда нужно? – вдруг, не поворачиваясь, спросила она.

– А что ты готовишь? – ляпнул я первое, что пришло в голову.

Она усмехнулась.

– Ничего, так, для атмосферы только. Откуда вдруг вопросы, что за игра?

– Какая игра?

– Ты приходишь, и каждый раз тебе что-то надо. А тут что-то новенькое. Кто ты такой непонятно, и вопросы задаешь, как будто первый раз меня видишь.

– Так и есть. Впервые тебя вижу.

Она отпустила поварешку, и та, звякнув металлом, стукнулась о край котла.

Девушка вздохнула и повернулась ко мне.

– Что надо? Предлагай что-нибудь интересное, или у меня другие были планы.

– Так я правда не знаю, кто ты. Я очнулся в лесу, пошел по тропинке, увидел свет в окне, и вот я здесь.

– Естественно, ты пришел из леса, откуда еще? Кажется, я начинаю понимать, что за игра. Будешь притворяться, что не знаешь меня. Ну хорошо. Тогда идем, прогуляемся. Какая тебе разница, где притворяться?

– В общем, никакой, особенно, если я не притворяюсь.

Девушка пренебрежительно фыркнула и направилась к двери.

Я заметил, как внизу из-под платья белым мелькнула голая пятка.

– Ты босая? – спросил я.

– Как и ты. Так уж у меня заведено, раз ты спрашиваешь. И так все время в туфлях.

– Но там же грязно!

Она лишь посмеялась.

– Зовут-то тебя как? – воскликнул я, уже негодуя, что она на меня даже не смотрит.

Девушка замедлила шаг в двери и, опять не поворачиваясь, назвала имя:

– София.

Мы вышли на улицу. Снова я ощутил ступнями неприятный холод.

София молча пошла вперед, видимо, подразумевая, что я пойду следом. Оказалось, что ей грязь и холод и впрямь не были страшны. Она шла, как будто не касаясь земли, сначала я подумал, что мне это привиделось из-за ее платья, скрывавшего движения ног, но там, где она ступала, трава не при-

миналась.

– Ты не ступаешь на землю?

– Ступаю, но очень легко, что-то вроде левитации. Каждый ведь в детстве мечтал уметь летать. Почему бы не побаловаться?

Мы вышли на тропинку с другой стороны избы. Тропинка уходила во все тот же темный лес, и понять, куда она могла бы привести, было невозможно.

– Куда мы идем? Что это за место?

– Мы идем к озеру.

В мерцании цветов София казалась каким-то миражом, фантазией, мелькающей во мраке – зеленое платье почти что полностью исчезло, слилось с чернотой окружения, и светлые волосы, обозначающие голову девушки, тоже грозились раствориться, отстань я хоть на несколько шагов. Поэтому я старался не отставать и не выпускал свою спутницу из вида.

Она не отвечала.

– Так что это за место?

– Ну, это мой домик, который я сама соорудила. Лес, откуда ты пришел, я называю дебрями подсознания. Так что, естественно, ты пришел оттуда.

– Что?

– Я научилась в каждом сне сохранять одну и ту же местность. Изба, озеро, лес. Здесь во сне я мечтаю, развлекаюсь. А подсознание частенько присылает мне гостей. Вот как тебя сейчас. Только обычно они хоть сколько-нибудь мне зна-

комы. Ты же мне совсем не знаком, или, может, я видела тебя только раз и краем глаза, этим, похоже, и воспользовалось подсознание, чтобы поиграть в игру «я о тебе ничего не знаю».

– Сон, значит…

Тут только я стал понимать, что происходит. Во мне начало расти удивление. И как раньше я не задумался, что это ни капельки не похоже на реальность? Ибо последнее, что я помню – я лег спать дома! Откуда ж мне взяться в лесу?

– Получается, ты мне снишься! Это мой сон! – крикнул я, остановившись.

София тоже остановилась и повернулась ко мне.

– Издеваешься?

– Нет! Я помню, как ложился дома спать! Интересно – я слышал, что такое возможно.

– Так. Я все еще не понимаю, зачем все это. И уж точно не понимаю этого притворства, зная, что ты плод моего воображения, моего собственного подсознания.

– Скорее наоборот, раз уж это я сплю, и это мой сон.

София вздохнула, запрокинула голову, лица я ее не видел, но похоже, как будто закатила глаза.

– Итак, мое подсознание заявляет мне, что подсознание на самом деле это я. Как бы это ни звучало. Как это возможно, если ты придуманный персонаж?

– Нет. Это вот мое подсознание заявляет мне, что оно придумало меня, а если оно находится в моей голове, значит,

оно придумало и само себя. Я начинаю путаться. Кто кого в итоге придумал первый?

– Я реальный человек, – раздражаясь, прорычала София. – Я создала поляну с домом, я создала озеро. Ты, если это ты все придумал, должен знать, что происходит на озере. Знаешь?

Она сделала шаг ко мне. Теперь я видел ее сердитое, но все такое же миловидное лицо.

– Нет.

– А я знаю, потому что это я придумала. И могу придумать что-нибудь еще. Например, смотри!

София повела рукой, и из-за деревьев к нам на тропинку вышел белый олененок. Он повертел головой, посмотрел на нас, а затем подошел совсем близко, так что можно было его потрогать. Что София и сделала – погладила его шерстку, кинув на меня многозначительный взгляд.

Вдруг она резко еще раз взмахнула рукой, олененок обернулся стайкой черных маленьких птиц, гаркая и хлопая крыльями, взметнувшихся к небу мимо наших голов, изрядно испугав меня своей внезапностью. Лес и София подернулись рябью.

– Видишь! Так что хватит. А то и тебя во что-нибудь превращу.

– Попробуй!

Я вдруг разозлился на самого себя за то, что сам же себе выдумал такую скверную знакомую.

София взмахнула рукой, но ничего не произошло.

– Ладно, – топнув ногой, сказал она, – я все еще плохо умею контролировать подсознание во снах.

– Ага. Оправдания. Давай сойдемся на том, что либо у меня, ну, или у тебя раздвоение личности. Тогда мы оба нереальны. Либо же мы оба реальны и каким-то образом оказались в одном сне. Как тебе? Мир?

– Хорошо, – после краткого раздумья сказала София уже добрее. – Лучше мир, пока не разберемся. Или пока я не разберусь.

Я кивнул.

София повернулась ко мне спиной и пошла дальше по тропинке.

– Э, нет. Раз уж мы условились на мир, перестань не обращать на меня внимания, как на досадное обстоятельство.

Она замедлила шаг, и дальше мы пошли рядом, насколько позволяла тропинка.

Чаща расступилась совершенно неожиданно, и мы оказались у озера. На его ровной поверхности отражались звезды, позволяя судить о скромных размерах водоема.

Тропа переходила в узкий овальный бережок, резко обрывающийся справа и слева – растущие вплотную к воде деревья опускали в нее свои корни, об этом я догадывался лишь по ломаным силуэтам на фоне отражения на воде – цветов здесь не было, они остались сзади вдоль тропинки.

Мы стояли в темноте. У наших ног расстилалось звездное

небо.

– Сюда мы и шли?

– Да.

– Что тут?

– Молчи и смотри.

Я не знал куда, но стал смотреть. Наверное, София снова сделала какие-то движения руками, потому что над озером вдруг появилось еле видное облако. Сначала бледное, оно становилось все плотнее и скоро стало выделяться белым пятном. Оно отражалось в воде, и перед нами как будто было два облака.

Я услышал шорох рядом, должно быть, София подбирала полы платья, потому как она потянула меня за руку, заставляя опуститься на землю. Она сидела рядом – я чувствовал ее плечо. Теперь отражение в озере стало плоским, и я стал смотреть вверх.

Облако начало рваться, разделяться, каждый его кусочек приобретал свои формы, свое место в пространстве. Образы начинали что-то напоминать. Это были очертания людей, они то опускались, как бы садясь, то вставали. Подходили друг другу, расходились. Один человек был больше остальных, он стоял перед ними, жестикулировал, вероятно, что-то говоря.

– Что это? – почему-то шепотом спросил я.

София как-то умиротворенно вздохнула.

– Это мои воспоминания.

– А почему, так сказать…

– Белесые образы?

– Да.

– Потому что воспоминания – это всегда какие-то детали. Вспоминаешь запах, вспоминаешь, какая была погода, или где находился, отдельный момент разговора, отдельную эмоцию, отдельное выражение лица. Никогда не помнишь полностью, только одну какую-то частичку, и вокруг нее уже, достаточно ненатурально, если задуматься, вырастает все остальное. А я хочу пережить сам момент действия, саму его основу, его суть в отдельности, не отвлекаясь на детали. Испытать где-то внутри себя, а не слухом или зрением, или… в общем, ты понял.

– А зачем? – я понял, но не до конца.

– Не знаю, хочу верить, что они придают мне сил, что ли.

Я ничего не ответил.

Образы продолжали двигаться. Менялось их расположение по отношению друг другу, менялись их взаимодействия. Человек, который был больше остальных, время от времени исчезал и появлялся.

Мы молча сидели, смотрели ее воспоминания. Но вскоре все потемнело и исчезло – я уснул.

Запись 4

Первый будильник мягко влился в мой сон, в котором я

был на концерте, и стал его частью. Но его скромное, ненавязчивое пиканье было прервано ревом второго будильника, и я резко сел на кровати, не сразу сообразив, что происходит, почему оборвалась музыка, и заорала пожарная сигнализация.

Наконец я стукнул по кнопкам на будильниках и взялся руками за голову, сильно жалея, что поспал от силы три часа. А все потому, что договорившись накануне с Дианой составить ей компанию на встрече с ведущим, я решил лечь пораньше, но, все же, сначала немножко поиграть. Мои товарищи по игре пребывали на подъеме, и всю ночь мы бегали и воевали в виртуальном мире. Все шло очень ладно, победа преследовала победу. Игра полностью меня завлекла, и только случайно оставшаяся трезвой частичка разума к шести утра родила идею поставить второй будильник, без которого я бы, конечно, не проснулся.

Я посмотрел на монитор – там сидел мой эльф.

«Тебе-то никуда не надо идти, – подумал я».

Я встал, сходил в душ, съел бутерброд, запил водой из-под крана, сунул во внутренний карман куртки конверт для Дианы и вышел на улицу.

Снег уже полностью растаял, и все вокруг приняло желто-коричнево-черный цвет грязи и свалявшейся травы. Я постоял у дома, не спеша покурил и пошел ждать автобус.

Через час мы встретились с Дианой.

– Ты не выспался, – констатировала она.

– Нет, что ты, очень даже выспался, – заверил я ее.

– Чем всю ночь занимался?

– Играл.

– Толковое занятие, – посмеялась она.

– Ладно, двинули! – сказал я, беря ее под руку.

Маршрутка подъехала полупустая, и мы уселись на задние сиденья. Нам составляли компанию несколько хмурых тетенек, уставившихся в окна, и помятый мужик, развалившийся на сиденье у передней двери, с равными интервалами кивающий головой и источающий характерное амбре.

Диана положила голову мне на плечо. Я положил голову на ее голову. Теперь вместе с перегаром мужика я чувствовал запах ее волос – так мне нравилось больше, глаза стали закрываться.

Очухался я оттого, что нас тряхнуло на лежачем полицейском. Мужик впереди, я заметил, перестал кивать и тряс головой.

– Проснулась? – я чуть дернул плечом.

– Я не засыпала.

Я расстегнул молнию и достал конверт.

– Это твое, – протянул я его Диане.

Она убрала голову с моего плеча, взяла конверт, открыла, надавила с хрустом на его края, чтобы достать содержимое.

– Я думала, их уже нету!

– А я сохранил.

Это были ее школьные рисунки. Собственные вариации на тему вкладышей модной в то время жвачки. На рисунках на клетчатой тетрадной бумаге были изображены мы – я, Влад и Диана – в разных сюжетах. Мы прикуривали друг другу сигареты, протягивали полторахи, дрались с директором и завучем и все в таком духе.

– О, эту я помню и эту помню, – восклицала Диана, перебирая листы.

– А эту не помню… А, вспомнила!

Диана засмеялась и протянула мне рисунок. На нем мы с Владом были изображены как два огородных пугала.

– Не подпускали ко мне ни одного мальчика, так что, вот вам, получайте, – проворчала Диана, продолжая перелистывать свои творения.

– Конечно, не подпускали. К тебе же вечно придурки какие-то лезли.

– Ага, и ты.

– Ну вот не надо тут!

– Да ла-адно!

– Ну ладно, твоя правда.

– Спасибо за рисунки!

Диана потянулась поцеловать меня в щеку, но я повернулся и поцеловал ее в губы.

– Само вышло, – сказал я и уставился вперед, в затылок мужика.

Я ощутил толчок в ребро, а потом снова ее голову у себя

на плече и снова запах ее волос.

Стеклянные с золоченой рамкой двери ресторана распахивались на оживленный проспект в центре города, выделяясь на фоне бегущих пешеходов и брызжущих грязью машин на проезжей части.

– Далеко ресторан.

– Центр города!

– От наших окраин. И как потом ночью пьяными отсюда выбираться?

– Мы вызовем гостям такси.

– Тогда нормально.

Мы вошли внутрь и оказались в овальной прихожей. Слева был гардероб – прямоугольное окно в стене, в котором стоял дедушка в белой рубашке, справа стойка, за ней девушка, почтительно улыбнувшаяся, увидев нас.

– Здравствуйте! Столик на двоих, или у вас заказано?

– Здравствуйте. Нет, у нас назначена встреча, – сказала Диана. – С Глебом.

– Да, конечно. Проходите в зал. Он вас ожидает. Дальний столик у окна.

– Спасибо.

– Спасибо, – буркнул я тоже.

Диана сунула мне в руки сумку и стала снимать куртку. Я занялся тем же, перекладывая сумку из руки в руку, рассматривая висевшие на серых стенах замысловатые картины

без рам. Изображения на них не напоминали ничего – пятна, круги, штрихи, ломаные пейзажи ненастоящих цветов – фрагменты, теснящиеся один на другом, только на одной из картин клякса на фоне вполне четкого моря отдаленно напоминала человека. Она мне понравилась больше остальных.

– Интересное такое место, – заметил я, когда мы сдали нашу одежду и ждали дедушку с номерками.

– Да, ресторан и судя по фоткам-то очень классный. Надо посмотреть вживую, но думаю, на нем я и остановлюсь. Сейчас еще послушаем, что Глеб скажет.

Дедушка, шаркая, показался из-за полупустых вешалок и протянул нам два номерка.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

Глеб вскочил, едва нас завидев, и, цветя всем лицом, размахивая руками, кинулся навстречу. Он был очень высокий, выше нас с Дианой головы на три, не меньше.

– Привет! Привет! Вот и вы! А я сам вот только что пришел! – закричал он на весь ресторан, чем привлек к нам внимание немногих посетителей, что тут были. – О! Это, должно быть, и есть жених!

Он повернулся ко мне и протянул руку.

– Нет, это… – Диана замолчала, – это брат, – сказала она и удивленно на меня посмотрела, поражаясь, видимо, сама своим словам, которыми я тоже был слегка озадачен.

– Ах, брат! Ну что ж, приятно познакомиться, – он энер-

гично тряс мою руку. – Когда же я, наконец, уже увижу жениха?

– Сережа еще не приехал, обещал быть через месяц, – ответила Диана.

– Ну, отлично, отлично. Так, предлагаю сразу подняться наверх, посмотреть, так сказать, на место предстоящего действия!

Глеб повел нас к лестнице на второй этаж.

– Случайно вырвалось, почему – не знаю, – шепнула мне Диана, когда мы поднимались.

Я только пожал плечами и потряс головой.

Зал наверху казался больше, потому что бар, который внизу был расположен посередине, здесь стоял у дальней левой стены. Интерьер сохранился – те же темные стены с белыми занавесками, зачем-то висевшими не только у окон, но и просто по стенам, только столы были круглые, а не квадратные, как внизу. Окна, от пола до потолка, выходили на проспект с машинами, брызжущими грязью, и сквозь них мягко лился дневной свет.

– Вот здесь, – провозгласил, как только мы поднялись, Глеб, – мы поставим фуршетный стол, гости смогут выпить шампанского и подкрепиться канапешками, пока ждут молодых, то есть вас. Диджея я думаю посадить вон там, у бара.

Он пошел по залу дальше, мы за ним.

– Президиум поставим тут, будете сидеть спиной к окнам, и вашему обзору будет доступен весь зал.

Глеб жестикулировал, объяснял, рассказывал Диане, как и что, по его мнению, лучше сделать, безустанно повторяя, что этот банкетный зал очень хорош, отмечал, что нет колонн, потому как колонны его раздражают. Диана в ответ часто кивала головой.

Очень быстро мне, как лицу мало заинтересованному в свадебной организации, надоело это слушать и трясти башкой, повторяя за Дианой, и я сел у окна, отодвинул занавеску. Небо, всю дорогу сюда грозившееся полить дождем, прояснилось, серые тучи исчезли, и даже грязь на дороге стала как будто не такой грязной.

Я задумался про свадьбу. Точнее про то, что мне придется что-то дарить. Деньги? Деньги это хорошо, если поэкономлю, то будут. А что-нибудь памятное? Так или иначе, Диана друг детства. Что можно им двоим подарить этакое? Тут вопрос – с женихом я не знаком. Она психолог, он социолог. Что же можно подарить психологу с социологом, что они могут любить, что им может быть надо?

– Здравствуйте! – поздоровалась с кем-то рядом официантка.

Ладно, она любит рисовать, украшения интерьера любит, коллажи там всякие. А он? Хрен его знает, что он.

– Здравствуйте!

Я повернулся и почему-то вскочил, тоже поздоровался – официантка обращалась не к кому-то, а ко мне.

– Что-нибудь выбрали?

Проследив за взглядом девушки, я обнаружил, что отвлекся от окна и сидел изучал меню, лежавшее на столе.

– О, нет, нет, спасибо! Я здесь с этими, – найдя в углу зала Глеба с Дианой (Глеб все так же увлеченно что-то глаголил, Диана так же кивала в ответ), я показал на них пальцем.

– А! Скоро свадьба!

– Да, свадьба.

– Волнительное мероприятие.

– И важное. Поэтому я доверил все невесте. А сам тут сижу. Невесты они пособразительнее в этих вещах.

Красивая остроносая блондиночка хихикнула, подтверждая мои слова.

– Хорошо, прошу прощения за беспокойство в таком случае. Зовите, если что-нибудь понадобится.

– Только если ваш телефон, – вдруг выпалил я.

Блондиночка удивленно застыла.

– А невеста? – тихо спросила она.

– Ну, невеста, – вздохнул я как бы в сомнении. – Она же еще не жена, надо, говорят, нагуляться перед этим самым!

Блондиночка все так же удивленно задирала брови.

– Нет, простите, знаете, нам как-то с посетителями… В общем, неправильно, – испуганно сказала она.

– Понимаю, да. Ну ладно, – я развел руками и сел обратно, забавляясь про себя своей же дурости.

Блондиночка, скоро цокая каблучками, удалилась.

Ну, свадьба. А что свадьба? Как часто в этом действе есть

истинное таинство? Что-то мне подсказывало, что в этой свадьбе ничего подобного не будет. Очередной этап из списка дел, доказывающих, что ты жив. Во всяком случае, была бы это моя свадьба, так бы и было, она бы уводила от осознания, что я ничего не хочу – за ней не скрывалась бы теплая искра, вместо нее там были бы искореженные надежды, ждущие, что свадьба бальзамом прольется и скроет их недостатки. Но мне легче не хотеть, нежели хотеть хоть как-нибудь, полужелание – в этом есть что-то от самообмана. В расстановке приоритетов, в признании самому себе собственной пустоты есть что-то от веры, веры, что ничего не делая, убегая от себя, ты оправдываешь собственное безрезультатное существование.

Навернув четвертый круг по залу, Диана с Глебом двинулись в мою сторону. Похоже было, что острые моменты уже обсуждены, потому как Глеб перестал размахивать руками и посмеиваясь слушал Диану, должно быть, она рассказывала что-то забавное про них с Сергеем.

Я встал навстречу.

– Все! Решено! – крикнула Диана еще издалека. – Хочу здесь.

– Поздравляю! – крикнул я.

Глеб дружелюбно и понимающе улыбался.

– Нужно только кое-что проверить. С твоей помощью. Пойдем, – она взяла меня за руку, не оставив права выбирать, и повела за собой к лестнице на первый этаж. – Надо

проверить, не слишком ли долго мы будем идти от лестницы до президиума. Глеб, а музыку, что я скидывала, можно попросить включить?

– Да-да-да, – ответил тот и живо убежал искать администратора.

– У нас будет постановочный танец, – стала мне объяснять Диана, – по плану мы должны медленно выйти из-за спин гостей.

– Понятно.

– Но расстояние здесь больше, чем я ожидала, и хватит ли его на начало песни или придется ускорять темп, или идти с другого места?

– Сейчас мы это узнаем, – заверил я Диану.

– Ты же не против, да? Порепетировать немножко первый танец.

– Что ты – нет! И вообще, ты поставила меня перед фактом, как я мог отказать.

Мы встали у перил, ограждавших лестницу, взялись за руки. Глеб криком из-за бара осведомился, включать ли музыку. Диана подняла вверху руку, сжатую в кулак с оттопыренным большим пальцем, мол, мы готовы.

Заиграла музыка, что-то романтичное, искреннее, но страстное настолько, чтобы тронуть самое сердце, особенно будучи в качестве свадебной песни. Мне, правда, было больше смешно, чем возвышенно. И из-за этой суррогатной роли, в которой я оказался, и из-за моего отношения, которое

я описывал выше.

Медленно мы с Дианой пересекали зал, направляясь от того места, где будет фуршетный стол, к тому, где будет президиум. На протяжении всего пути Диана смотрела в пол.

– Хотя нет, смотри, хватает ровно-ровно.

Действительно, когда мы дошли до окон, мотив композиции начал развиваться, перерастая в более громкие и полные всплески.

Диана совсем приблизилась ко мне, одну руку положила мне на плечо, другую вытянула в бок с зажатой в ней моей ладонью. Я обнял ее за талию. И мы затоптались на месте.

– Вполне неплохо должно получиться, – заключила она в итоге.

Репетиция прекратилась, мы отпустили друг друга. Фигура Глеба, заметив это, пошуровала за барной стойкой, и музыка выключилась.

– Думаю, ты понравился той официантке, она не сводит с тебя глаз.

Диана кивком указала на остроносую блондинку. Я усмехнулся и кратенько поведал ей про свою забаву.

– Ну не дурак, а?

– Не вижу ничего предосудительного в невинной шутке.

– Ну как, все хорошо? – спросил подлетевший Глеб.

– Да, все как раз!

– Супер!

Диана извинилась, сказала, что ей нужно в дамскую ком-

нату, и ушла.

– Как, радуешься за сестру? – обратился ко мне Глеб.

– Радуюсь.

– Конечно, свадьба это здорово. Любовь это прекрасно!

– Ага.

Диана не заставила долго ждать, быстро обернувшись, и мы пошли вниз.

На первом этаже мы распрощались. Глеб, опередив нас, унесся в гардероб, мы же, неспешно следуя туда же, только видели захлопнувшуюся входную дверь.

Диана протянула мне салфетку.

– Зовут Наташа.

– Кого?

– Ту милую официантку. Я ей все объяснила, что ты дурак, но хороший.

Развернув салфетку, я обнаружил черной ручкой выведенный на ней телефон.

– Мм… Спасибо.

– Позвони, позвони. Вдруг то самое!

Скомканную салфетку я сунул в карман куртки, полученной от дедушки-гардеробщика, потом помог Диане одеться, и мы вышли на улицу.

Диана зажмурилась, подставив лицо слабо греющему солнцу.

– Эй, – окликнул я.

– А?

Она не открывала глаз, так и продолжая стоять под солнцем.

– Поехали ко мне.

– Поехали.

Запись 5

Я проснулся первым, но не вставал и не двигался – Диана лежала на моей руке, и я не хотел ее будить. Лежал и смотрел.

Аккуратно я немного сдвинул одеяло, чтобы свет, пробивавшийся сквозь закрытые жалюзи, упал на ее лицо, но лица я не увидел – только колышущиеся от ее дыхания волосы, более чем наполовину его закрывшие.

Смотрел и думал. Казалось бы, если и есть когда сожалеть, то время подходящее. Но думал я, что наше с ней расставание – это хорошо. Прояви мы упорство, приложи мы усилия, оставь мы стремление понять, что происходит в наших головах, стремление понять, откуда взялось какое-либо стремление и недовольство, мы уподобились бы сжатой пружине, таящей в себе силу, готовую сорваться в любой момент как в реакции на внешнее, так и в реакции на внутреннее. Самым мирным, но не самым, возможно, лучшим развитием таких отношений было бы ослабевание пружины от постоянного напряжения. То есть даже при наступлении момента, когда пружина могла бы выпрямиться, сил на это у нее уже не оста-

лось бы. Смирение как следствие бессилия. В общем, то, что со мной и так произошло. С одной разницей – сейчас я могу видеть, что причины и следствия в жизни так перепутаны, недооценены и переоценены, что обвинение кого-либо или чего-либо – пустая трата времени. Ответ прост – так вышло. А если бы не расстались, то, с большой вероятностью предположу, мы смотрели бы друг на друга, находя в этих рожах и осточертевших телах, привычках и словах причину.

Лучше порознь, нежели паразитируя друг на друге.

Моя история – уж точно не история о любви.

Диана проснулась, убрала волосы с лица.

– Доброе утро.

– Доброе, – сонно ответила она, потянулась, поерзала и вернулась в обратное положение.

Я отвернулся, уставился в потолок.

– Расскажи мне, какой он – Сережа.

– Ты уверен, что момент подходящий? – проворчала Диана. – Мы лежим голые под одним одеялом.

– Уверен. Определенно.

– Зачем?

– Интересно. Все, что я знаю – он ученый, социолог, а после свадьбы вы окончательно переезжаете в другой город.

– Ну, он замечательный. Моя любовь, моя опора.

Она зевнула.

– Это и так понятно.

Диана молчала.

– Сколько времени? – наконец спросила она.

Я пошарил рукой по полу в поисках телефона.

– Без десяти одиннадцать.

– Пора вставать и идти делать дела. Я в душ.

Диана сбросила одеяло и попросила меня отвернуться.

Я перевернулся, зарылся лицом в подушку.

Диана уперлась ладонями мне в лопатки, вдавила в кровать, перебираясь через меня – кровать занимала все расстояние от стены до стены, и выбраться с нее можно было только таким путем. Я слышал, как она задела кресло, кресло ударилось о стол, с пустым звуком на пол свалилось несколько банок из-под пива и лимонада.

– Ну и бардак у тебя.

Я промычал в знак согласия.

Снова раздался звук банок, к нему добавилось шуршание пакетиков от сухариков и чипсов. По всей видимости, Диана случайно пнула одну из горок мусора.

Затем я слышал несколько шагов, необходимых чтобы попасть в другой конец квартиры-студии, хлопок двери, щелчок замка. И чуть погодя журчание воды.

Я перевернулся, спустил ноги на пол, натянул штаны, включил компьютер.

За монитором нашлась закрытая банка лимонада, и я, попивая, развалился в кресле.

В виртуальном мире день уже давно разгорелся, жизнь кипела – во все стороны сновали эльфы и орки – игроки бежа-

ли по своим делам, в чате шла беседа, оживленная торговля. Мой эльф – sushnyak – стоял посреди городской площади, где я его и оставил, когда заходил два дня назад.

Как бы Диана ни торопилась, я подумал, что от чая она не откажется.

Поставив чайник на плиту, я постучал в дверь ванной.

– Можно я почищу зубы? За дверью кабинки ничего не видно! – успокоил я ее.

Ответ последовал не сразу, только через полминуты ручка дернулась, и отщелкнулся замок. Выждав, соблюдая приличия, пока Диана вернется в кабинку и закроет дверцу, я вошел.

– Чая выпьешь? – спросил я, умывая лицо.

– И от завтрака не откажусь, если у тебя имеется из чего его приготовить.

– Что-нибудь найдем. Например, яичницу?

– Подойдет.

– Диана, – начал я, выдавливая из тюбика пасту. – Когда вы познакомились?

За дверью кабинки Диана перевела дыхание.

– Мы познакомились, когда я училась на втором курсе. Сережа вместе с коллегами проводил нам семинар. Я его и раньше видела в университете, но тут мы познакомились лично – я, как староста и как член профкома, организовывала чаепитие, фуршет после мероприятия. Сам собой сложился случай.

Она повышала голос, чтобы ее было слышно из-за воды.

– А дальше? – невнятно спросил я, вынув изо рта щетку.

– Мы стали здороваться, когда встречались в универе. Он спрашивал, как мои успехи, я несколько раз обращалась к нему за помощью по учебе. Потом, опять же от профкома, мы организовывали поход в театр, во время спектакля мы сидели на соседних местах. – Она помолчала. – Не то чтобы я сразу в него влюбилась, но заинтересовалась. Поэтому, когда через пару месяцев он выразил желание пригласить меня на свидание, я согласилась. Вот так.

– Ясно, – сказал я, вытер лицо полотенцем и вышел из ванной.

Нарезав обнаруженный дома хлеб, обжарив его и кинув на сковородку пару яиц, я вернулся к компьютеру.

Дабы не выделяться из общей игровой суеты, я тоже указал своему эльфу направление движения, и он, бряцая доспехами, побежал.

sushnyak: привет, пацаны

Grokep: даров

Tan4e: ку

Gaide: ээ…

sushnyak: и девушки)

Gaide: привет :)

sushnyak: чет мало вас

asasin: половина спит половина на работе. Привет

asasin: че вчера не был?

asasin: вчера по рейдам ходили

Grokep: ага, шмота надропали

asasin: го пати соберем, сходим куданить

sushnyak: Не, я так, поздороваться ток зашел да спросить че вчера, успешно или нет

Grokep: успешно-успешно. надо глянуть, там вроде и на тебя чет упало)

sushnyak: круто)

asasin: го щас, че ты

sushnyak: не могу, так просто зашел, жду пока девушка из душа выйдет

sushnyak: не один я

Gaide: о! а мы думали бухаешь там что ли опять :)

enduro: алкаш

asasin: ясн

Grokep: фоточку! фоточку!

sushnyak: обойдешься)

Grokep: :'(

sushnyak: ладно! Давайте побырому мелкого какого-нибудь вальнем

sushnyak: уговорили

Перебегая от компьютера до плиты, я рисковал потерпеть неудачу и там и там. Но до поры до времени я справлялся.

Диана вышла из ванной в моей рубашке. Мокрые, потемневшие еще больше, чем обычно, волосы спадали на плечи,

оставляли на голубой ткани полоски. Ниже рубашки непринужденно были видны бедра, босые ножки по-домашнему шлепали по ламинату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.